Умение кидать мяч

Автор:
Кир Булычев

Умение кидать мяч

Кир Булычев

«Он коротко позвонил в дверь, словно надеялся, что его не услышат и не откроют. Я открыл. Его лицо было мне знакомо. Раза два я оказывался с ним в лифте, но не знал, на каком этаже ему выходить, и оттого чувствовал себя неловко, смотрел в стенку, делал вид, что задумался, чтобы он первым нажал кнопку или первым спросил: „Вам на какой этаж?“

– Извините, ради бога, – сказал он. – Вы смотрите телевизор?

– Сейчас включу, – ответил я. – А что там?..»

Кир Булычев

Умение кидать мяч

Он коротко позвонил в дверь, словно надеялся, что его не услышат и не откроют. Я открыл. Его лицо было мне знакомо. Раза два я оказывался с ним в лифте, но не знал, на каком этаже ему выходить, и оттого чувствовал себя неловко, смотрел в стенку, делал вид, что задумался, чтобы он первым нажал кнопку или первым спросил: «Вам на какой этаж?»

– Извините, ради бога, – сказал он. – Вы смотрите телевизор?

– Сейчас включу, – ответил я. – А что там?

– Ни в коем случае! Простите. Я пошел. Я только в случае, если вы смотрите, потому что у меня сломался телевизор, а я решил…

– Да заходите же, – настаивал я. – Все равно сейчас включу. Делать нечего.

Мне пришлось взять его за локоть, почти затянуть в прихожую. Он поглядел на тапочки, стоявшие в ряд под вешалкой, и спросил:

– Ботинки снимать?

– Не надо, – сказал я.

Я был рад, что он пришел. Принадлежа к бунтующим рабам телевизора, я могу заставить себя его не включать. Даже два-три дня не включать. Но если я сдался, включил, то он будет работать до последних тактов прощальной мелодии, до слов диктора «спокойной ночи», до того, как исчезнет изображение ночной Москвы и сухо зашуршит пустой экран. В тот вечер я боролся с собой, полагая, что чтение – более продуктивный способ убить время. Я был доволен собой, но рука тянулась к выключателю, как к сигарете. Я обогнал гостя и включил телевизор.

– Садитесь, – сказал я. – Кто играет?

– Играют в баскетбол, – тихо ответил гость. – На кубок европейских чемпионов. Я вам действительно не мешаю?

– Никого нет дома. Поставить кофе?

– Что вы! Ни в коем случае.

Он осторожно уселся на край кресла, и только тут я заметил, что он все-таки успел снять ботинки и остаться в носках, но не стал ничего ему говорить, чтобы не ввергнуть его в еще большее смущение. Гость был мне приятен. Хотя бы потому, что он мал ростом, хрупок и печален. Я симпатизирую маленьким людям, потому что сам невысок и всегда трачу много сил на то, чтобы никто не подумал, есть ли у меня комплекс по этой части. Он есть. Иногда мой комплекс заставляет меня казаться себе таксой среди догов и искать нору, чтобы спрятаться. Иногда

принимает форму наполеоновских мечтаний и тайного желания укоротить некоторых из людей, глядящих на меня сверху вниз, по крайней мере на голову. Но я никого еще не укоротил на голову, хотя не могу избавиться от некоторой, надеюсь, неизвестной окружающим, антипатии к родной сестре, которая выше меня и с которой я не люблю ходить по улицам. А вот тех, кто ниже меня ростом, я люблю. Я им многое прощаю.

Когда-то, еще в школе, мой комплекс разыгрывался, выходил из рамок и приводил к конфликтам, которые плохо для меня кончались. Я мечтал стать сильным. Я собирал сведения о маленьких гениях – я вообще одно время был уверен, что гении бывают лишь маленького роста, отчего исключал из их числа Петра Первого, Чехова и кое-кого еще. Я хранил вырезки о жизни штангистов-легковесов и боксеров в весе пера. Я смотрел баскетбол лишь тогда, когда на площадке играл Алачачян – это был самый маленький разыгрывающий в сборной Союза. Но как-то я увидел его в жизни и понял, что он человек выше среднего роста. И перестал смотреть баскетбол вообще.

С годами все это сгладилось. Я не стал гением и понял, что небольшой рост – еще не обязательное качество великого человека. Я бросил собирать вырезки о спортсменах, сильно растолстел и подобрел к людям. Я спокойно смотрел на великанов, понимая, что и у них свои беды и трудности.

– Вот так, – сказал с удовлетворением мой гость, когда центровой югославов промахнулся по кольцу, хотя никто не мешал ему положить мяч в корзину.

В голосе гостя звучало злорадство. И я подумал, что он, наверное, не смог воспитать в себе философский взгляд на жизнь.

Центровой тяжело затрусил обратно, к центру площадки. Бежать ему было трудно, потому что каждая нога его была длиннее и тяжелее, чем я весь. Мой гость усмехнулся. Я лишь внутренне пожалел центрового.

– Курлов, – представился вдруг мой гость, когда югославы взяли тайм-аут. – Николай Матвеевич. Физиолог. Две недели, как к вам в дом переехал. На шестой этаж.

«Теперь хоть запомню, на какую кнопку нажимать, если окажусь с ним в лифте», – подумал я. И сказал:

– А я Коленкин. Герман Коленкин.

– Очень приятно.

Югославы распрямились и разошлись, оставив маленького тренера в одиночестве. Я знал, что это обман. Тренер вовсе не маленький. Он обыкновенный.

Наши били штрафные. Мне интересно было наблюдать за Курловым. Интереснее, чем за экраном. Он поморщился. Ага, значит, промах. Потом кивнул. Доволен.

Между таймами я приготовил кофе. Обнаружил в буфете бутылку венгерского ликера. Курлов признался, что я ему также приятен. Не объяснил почему, я не стал спрашивать – ведь не только сами чувства, но и побуждения к ним обычно взаимны.

– Вы думаете, что я люблю баскетбол? – спросил Курлов, когда команды вновь вышли на площадку. – Ничего подобного. Я к нему глубоко равнодушен. И за что можно любить баскетбол?

Вопрос был обращен ко мне. Глаза у Курлова были острые и настойчивые. Он привык, что собеседник первым отводит взгляд.

– Как – за что? Спорт – это… – ответить было нелегко, потому что к вопросу я не готовился. – Понимаете…

– Сам принцип соревнования, – подсказал мне Курлов. – Азарт игрока, заложенный в каждом из нас?

Я нашел другой ответ:

– Скорее не так. Зависть.

– Ага! – Курлов обрадовался.

– Но не простая зависть. Очевидно, для меня, как и для других людей, спортсмены – воплощение наших тайных желаний, олицетворение того, что не дано сделать нам самим. Наверное, это относится и к музыкантам, и к певцам. Но со спортсменами очевиднее. Ведь никто не говорил и не писал о том, что Моцарту в детстве сказки, что у него нет музыкального слуха, и тогда он стал тренироваться, пока не превратился в гениального музыканта. Так сказать нельзя – здесь талант чистой воды. А вот про спортсмена такого-то вы можете прочесть, что в детстве он был хилым, врачи запретили ему все, кроме медленной ходьбы, но он тренировался так упорно, что стал чемпионом мира по барьерному бегу. Я понятно говорю?

– Дальше некуда. А что вы можете сказать тогда об этих? – Курлов ткнул пальцем в телевизор и залихватски опрокинул в рот рюмку с ликером. Глаза у него блестели.

– То же самое.

– А не кажется ли вам, что здесь все зависит от роста? От игры природы. Родился феномен – два с половиной метра. Вот команда и кидает ему мячи, а он закладывает их в корзину.

Я не согласился с Курловым.

– Такие уникумы – исключение. Мы знаем о двух-трех, не больше. Игру делает команда.

– Ну-ну.

На экране высоченный центровой перехватил мяч, посланный над головами игроков, сделал неловкий шаг и положил мяч в корзину.

Курлов улыбнулся.

– Талант, труд, – сказал он. – Все это теряет смысл, стоит в дело вмешаться человеческой мысли. Парусные суда исчезли, потому что появился паровой котел. А он куда менее красив, чем грот-мачта с полным вооружением.

– Оттого что изобрели мотоциклы и появился мотобол, – возразил я, – футбол не исчез.

– Ну-ну, – усомнился Курлов. Он остался при своем мнении. – Поглядите, что эти люди умеют делать из того, что недоступно вам, человеку ниже среднего роста (я внутренне поклонился Курлову), человеку умственного труда. Они умеют попадать мячом в круглое отверстие, причем не издалека. Метров с трех-пяти. И притом делают маску ошибок.

Говорил он очень серьезно, настолько серьезно, что я решил перевести беседу в несколько более шутливый план.

– Я бы не взялся им подражать – сказал я. – Даже если бы потратил на это всю жизнь.

– Чепуха, – возразил Курлов. – Совершенная чепуха и бред. Все на свете имеет реальное объяснение. Нет неразрешимых задач. Эти молодые люди тратят всю жизнь на то, чтобы достичь устойчивой связи между мозговыми центрами и мышцами рук. Глаз всегда или почти всегда может правильно оценить, куда следует лететь мячу. А вот рука после этого ошибается.

– Правильно, – ответил я. – Знаете, я когда-то учился рисовать. Я совершенно точно в деталях представлял себе, что и как я нарисую. А рука не слушалась. И я бросил рисовать.

– Молодец! – одобрил Курлов. – Спасибо.

Последнее относилось к тому, что я наполнил его рюмку.

– Значит, – продолжал Курлов, – система «мозг-рука» действует недостаточно четко. Дальнейшее – дело физиологов. Стоит лишь найти неполадки в этой системе, устранить их – и баскетболу крышка.

Курлов строго посмотрел на экран. Я понял, что комплексы, которые мне удалось в себе подавить, цепко держали в когтистых лапах моего соседа.

– Ради этого я и пришел.

– Сюда?

– Да. Пришел смотреть телевизор. И теперь я знаю, что могу превратить в гениального баскетболиста любого неуча. Вас, например. Хотите?

– Спасибо, – сказал я. – Когда же я стану баскетболистом?

– Мне нужно два месяца сроку. Да, два месяца, не больше. Но потом не жалуйтесь.

– Чего же жаловаться? – улыбнулся я. – Каждому приятны аплодисменты трибун.

…Я встретился с Курловым недели через две. В лифте. Он раскланялся со мной и сказал:

– Мне на шестой.

– Помню.

– И кстати, в моем распоряжении еще шесть недель.

– Как так? – Я забыл о разговоре у телевизора.

– Шесть недель, и после этого вы становитесь великим баскетболистом.

Прошло не шесть недель, а больше. Месяца три. Но потом часов в семь вечера вновь раздался звонок в дверь. Курлов стоял на лестнице с большой сумкой в руке.

– Разрешите?

– У вас снова сломался телевизор?

Курлов ничего не ответил. Он был деловит. Он спросил:

– Дома никого?

– Никого, – ответил я.

– Тогда раздевайтесь.

– Вы говорите, как грабитель.

– Раздевайтесь, а то стемнеет. До пояса. Да послушайте, в конце концов! Вы хотите стать великим баскетболистом или нет?

– Но ведь это была…

– Нет, не шутка. Я решил эту задачку и дарю вам первому удивительную способность управлять собственными руками. Казалось бы, природа должна была позаботиться об этом с самого начала, так нет, приходится вносить коррективы.

Сумку он поставил на пол, из кармана пиджака извлек небольшую плоскую коробку. В ней обнаружился шприц и ампулы.

– Почему вы не поинтересуетесь, не опасно ли это для жизни? – спросил он не без сарказма.

– Признаться, я растерян.

– «Растерян» – правильное слово. Но, надеюсь, не напуган? Или мне сбегать домой за дипломом доктора медицинских наук? Нет? Ну и хорошо. Больно не будет.

Я покорно стащил с себя рубашку, майку, благо был теплый вечер. Мне тогда не пришла в голову мысль, что мой сосед может быть сумасшедшим, убийцей. Эта мысль мелькнула после того, как он вкатил мне под правую лопатку два кубика раствора. Но было поздно.

– Вот и отлично, – сказал Курлов. – Я уже ставил опыт на себе и на обезьянах. Результаты поразительные. Надеюсь, у вас будут не хуже.

– А что с обезьянами? – глупо спросил я, натягивая майку.

– Ничего интересного для профана, – отрезал Курлов. – У них эти связи функционируют лучше, чем у людей. Тем не менее павиан по кличке Роберт умудрился попасть грецким орехом в глаз нелюбимому смотрителю на расстоянии пятидесяти метров.

– Что теперь? – спросил я.

– Теперь – в Лужники, – ответил Курлов. – До темноты осталось три часа. Два с половиной. Посмотрим, что получилось.

– А уже действует?

– К тому времени, как подъедем, подействует.

В автобусе он вдруг наклонился к моему уху и прошептал:

– Совсем забыл. Никому ни слова. За неофициальный эксперимент с меня снимут голову и степень. Если бы не данное вам слово, человечество получило бы этот дар через пять лет.

– Почему через пять?

– Потому что каждый эксперимент надо проверить другим экспериментом. А тот – следующим. И еще ждать, не получатся ли побочные эффекты.

– А если получатся?

Курлов пожал плечами. Он был великолепен. У него был явный наполеоновский комплекс. Он подождал, пока автобус остановился, спрыгнул первым на асфальт, подобрал с земли камешек и запустил им в пролетавшего мимо шмеля. Шмель упал на траву и обиженно загудел.

– Я вкатил себе эту дозу две недели назад. С тех пор ни разу не промахивался.

Мы отыскали почти пустую баскетбольную площадку. Один щит был свободен, у другого двое девчат перебрасывались мячом, словно не решались закинуть его в корзину.

– Надо раздеваться? – спросил я.

– Зачем? Сначала так попробуем.

Потом я удивлялся, почему за все время пути и в первые минуты на площадке я почти ни о чем не думал. То есть думал о каких-то глупостях. Во сколько завтра утром вставать, надо купить хлеба на ужин, погода стоит хорошая, но может испортиться – вот о чем я думал.

– Ну, – сказал Курлов, доставая из сумки мяч ровно за секунду до того, как я сообразил, что мяча у нас нет.

Я поглядел на кольцо. Кольцо висело страшно высоко. Оно казалось маленьким, и попасть в него мячом было совершенно невозможно. Девушки у второго щита перестали перебрасываться мячом и изумленно глазели на двух среднего возраста маленьких мужчин, толстого (я) и тонкого (Курлов), которые явно собирались заняться баскетболом. Девушкам было очень смешно.

– Ну, Коленкин, – произнес торжественно Курлов, – ловите мяч!

Я слишком поздно протянул руки, мяч выскочил из них и покатился по площадке к девушкам. Я тяжело затрусил за ним. Вид у меня был нелепый, и мне очень захотелось домой. Я начал себя ненавидеть за бесхарактерность.

Одна из девушек остановила мяч ногой, и он медленно покатился мне навстречу. Я сказал, не разгибаясь: «Спасибо», но девушки, наверное, не расслышали. Они смеялись.

– Прекратите смех! – крикнул с той стороны площадки Курлов. – Вы присутствуете при рождении великого баскетболиста!

Девушки просто зашлись от хохота. Курлов не ощутил веселья в ситуации. Он крикнул мне:

– Да бросайте в конце концов!

Этот крик заставил меня поступить совсем уж глупо. Я подхватил мяч, думая, что он легче, чем был на самом деле, и кинул его в сторону кольца. Мяч описал низкую дугу над площадкой и упал у ног Курлова.

– Ой, я сейчас умру! – выговорила одна из девушек. Ей никогда в жизни не было так смешно.

– Если вы будете метать мяч от живота, словно обломок скалы, – строго проговорил Курлов, будто не видел, что я повернулся, чтобы уйти с этой проклятой площадки, – то вы никогда не попадете в кольцо. Прекратите истерику и кидайте мяч. И не забудьте, что я вкатил вам весь запас сыворотки, выработанной в институте за две недели.

Последнюю фразу он произнес шепотом, вкладывая мне в руки мяч.

– Смотрите на кольцо, – сказал он вслух.

Я посмотрел на кольцо.

– Вы хотите попасть в него мячом. Представьте себе, как должен лететь мяч. Представили? Кидайте!

Я кинул и промахнулся.

Девушки обрадовались еще больше, а я почувствовал вдруг громадное облегчение. Вся эта сыворотка и весь этот кошмар – лишь сон, шутка, розыгрыш.

– Еще раз, – ничуть не смутился Курлов. – Уже лучше. И перед тем, как кинете, взвесьте мяч на ладонях. Это помогает. Вот так.

Он наклонился, подобрал мяч и бросил его в кольцо.

Мяч описал плавную дугу, не задев кольца, вошел в самый центр и мягко провалился сквозь сетку.

Почему-то это достижение Курлова вызвало новый припадок хохота у девчат. Но Курлов просто не замечал их присутствия. Он был ученым. Он ставил эксперимент.

И тогда я снял пиджак, передал его Курлову, взвесил мяч на ладонях, совершенно отчетливо представил себе, как он полетит, как он упадет в кольцо, и бросил.

Я никогда в жизни не играл в баскетбол. Я попал мячом точно в центр кольца. Ничуть не хуже, чем Курлов. Курлов догнал мяч и вернул его мне. Я вышел на позицию для штрафного удара и закинул мяч оттуда.

Чего-то не хватало. Было слишком тихо. Девушки перестали смеяться.

– Вот так-то, – сказал буднично Курлов и отбросил мне мяч. – А теперь одной рукой.

Одной рукой бросать было труднее. Но после двух неудачных попыток я сделал и это.

– А теперь бегите, – приказал Курлов. – Бросайте с ходу.

Бежать не хотелось. Я уже устал. Но Курлова поддержала девушка.

– Попробуйте, – попросила она, – ведь вы же талант.

Я тяжело пробежал несколько шагов с мячом в руке.

– Нет, – возразила девушка, – так не пойдет. Вы же мяча из рук не выпускаете. Вот так.

И она пробежала передо мной, стуча мячом по земле.

Я попытался подражать ей, но тут же потерял мяч.

– Ничего, – ободрила девушка. – Это вы освоите. Надо будет сбросить килограммов десять.

Девушка была выше меня на две головы, но я не чувствовал себя маленьким. Я умел забрасывать мячи в корзину не хуже, чем любой из чемпионов мира.

Бегать я не стал. Я просто кидал мячи. Кидал из-под кольца, кидал с центра площадки (в тех случаях, если хватало сил добросить мяч до щита). Девушка бегала для меня за мячом и была так довольна моими успехами, словно это она вырастила меня в дворовой команде.

Вдруг я услышал:

– Коленкин, я жду вас в кафе. Пиджак останется у меня.

– Подождите! – крикнул я Курлову.

Но Курлов быстро ушел. И я не успел последовать за ним, потому что дорогу мне преградили три молодца по два метра ростом и упругий, широкий человек чуть повыше меня.

– Кидайте, – велел упругий человек. – Кидайте, а мы посмотрим.

Из-за его спины выглянула вторая девушка. Оказывается, пока ее подруга занималась моим воспитанием, она сбегала за баскетболистами на соседнюю площадку. Так вот почему скрылся Курлов!

Мне бы надо уйти. В конце концов я был в этой истории почти ни при чем. Но тщеславие, дремлющее в любом человеке, проснулось уже во мне, требовало лавров, незаслуженных, но таких желанных! Сказать им, что я всего-навсего подопытный кролик? Что я не умел, не умею и не буду уметь кидать мячи? И может быть, благоразумие взяло бы все-таки верх и я ушел бы, отшутившись, но в этот момент самый высокий из баскетболистов спросил девушку:

– Этот?

И голос его был настолько преисполнен презрения ко мне, к моему животику, к моим дряблым щекам, к моим коротковатым ногам и мягким рукам человека, который не только обделен природой по части роста, но еще притом и не старался никогда компенсировать это спортивными занятиями, голос его был настолько снисходителен, что я сказал:

– Дайте мне мяч.

Сказал я это в пустоту, в пространство, но уже знал, что у меня есть здесь верные поклонники, союзники, друзья – девушки на две головы выше меня, но ценящие талант, какую бы скромную оболочку он ни имел.

Девушка кинула мне мяч, и я, поймав его, тут же забросил в корзину с половины площадки, крюком, небрежно, словно всю жизнь этим занимался.

И самый высокий баскетболист был разочарован и подавлен.

– Ну дает! – сказал он.

– Еще раз, – попросил тренер.

Девушка кинула мне мяч, и я умудрился его поймать. Забросить его было несложно. Надо было лишь представить, как он полетит. И он летел. И в этом не было ничего удивительного.

Толстый тренер вынул из заднего кармана тренировочных брюк с большими белыми лампасами блокнот, раскрыл его и записал что-то.

– Я ему кину? – спросил высокий баскетболист, который меня невзлюбил.

– Кинь, – согласился тренер, не поднимая глаз от блокнота.

– Ну лови, чемпион, – сказал баскетболист, и я понял, что мне несдобровать.

Я представил, как мяч понесется ко мне, словно пушечное ядро, как свалит меня с ног и как засмеются девушки.

– Поймаешь, – сказал баскетболист, – сразу кидай в кольцо. Ясно?

Он метнул мяч, и тот полетел в меня, словно ядро. И я сделал единственное, что мне оставалось: отскочил на шаг в сторону.

– Ну чего же ты? – Баскетболист был разочарован.

– Правильно, – кивнул тренер, закрывая блокнот и оттопыривая свободной рукой задний карман, чтобы блокнот влез на место. – Паса он еще не отрабатывал. Играть будете?

– Как? – спросил я.

Тренер поманил меня пальцем, и я послушно подошел к нему, потому что он знал, как манить людей пальцем, чтобы они безропотно к нему подходили.

– Фамилия? – спросил он, вновь доставая блокнот.

– Коленкин, – сказал я.

– Вы что, серьезно? – обиделся баскетболист, нависавший надо мной, как Пизанская башня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kir-bulychev/umenie-kidat-myach

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить